

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МОДАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ

Толстокорова Алиса Валерьевна
канд. филол. наук, доцент, независимый эксперт,
г. Киев, Украина
E-mail: alicetol@yahoo.com

A HUMAN DIMENSION OF GLOBALIZATION: MODEL PERSONALITIES PATTERNS

Alissa Tolstokotova,
PhD, Associate Professor,
Independent scholar,
Kyiv

Аннотация

Статья посвящена выявлению и анализу новых модальных типов личности, порождаемых процессом глобализации. На основе анализа вторичных теоретических источников выявлены следующие модальные типы личности эпохи глобализации: «человек глобальный» – «Homo globalis», «человек дигитальный (цифровой)» – «Homo digitalis», «человек потребляющий» – «Homo consumens» и «человек мобильный» – «Homo mobilis». Последний в свою очередь представлен такими разновидностями, как глобальные старики, глобальная женщина и глобальная мать, глобальный ребенок и т.д.

Abstract

The paper is aimed at the analysis of model personalities patterns generated by globalization. Drawing on the analysis of secondary theoretical sources, the paper sets out the following of them: «Homo globalis», «Homo digitalis», «Homo consumens» and «Homo mobilis». The latter may be specified by the following subtypes: global senior, global woman and global mother, global child, etc.

Ключевые слова: homo globalis, Homo digitalis, Homo consúmens, Homo mobilis, глобальные старики, глобальная женщина, глобальная мать, глобальный ребенок.

Key words: Homo globalis, Homo digitalis, Homo consúmens, Homo mobilis, global senior, global woman and global mother, global child

В последние десятилетия основным трендом мирового развития стала глобализация, зиждущаяся на «трех китах»: торговле товарами, потоках капиталов и мобильности людей - «мобильном супер ките» [9]. Глобализация оказывает радикальное влияние на социальное устройство человечества, подрывая социальные позиции национальных государств и превращая их подданных в «глобальных граждан мира», чья социальная судьба уже более не является жестко привязанной к конкретному государству, а социальный выбор становится глобальным по своему характеру. По мере того, как национальные государства уходят в прошлое, на фоне возрастания коммуникационной мобильности, движения капитала, рисков, товаров и услуг даже немобильная часть местного населения, используя средства массовой коммуникации, рекламу и т. д., глобализируется в своём искусственном внутреннем пространстве. Оптимисты считают, что особенностью «глобальных граждан мира» является способность к «само-трансценденции» [16], т.е. к наличию объединяющего сознания и восприятию мира в его целостности и в глобальном масштабе, с точки зрения других людей и через призму возможности воздействия на весь мир. Этому способствует массовая международная миграция и современные достижения в коммуникационных технологиях, предопределяющие новые способы самоидентификации и новое мировоззрение [21]. Реалисты, как Карло Стренджер, определяют глобального гражданина мира как «человека глобального» – «Homo globalis» [19], основной особенностью которого является интимная связь с глобальной информационной сетью. Этот тип личности является продуктом культуры, нацеленной на достижение, отсутствие которого негативно влияет на статус человека в обществе и генерирует в нем ощущение малозначимости и неполноценности. По Стренджеру, человек этого типа страдает комплексом неполноценности и не имеет четкого мировоззрения. Опираясь на положения экзистенциальной психологии, он доказывает, что для «Homo globalis» проблемой является поддержание высокой самооценки, т.к. в

обществе высоких технологий все достижения личности сравниваются с идеалом, создаваемым средствами массовой информации.

Таким образом, глобальный мир создает условия для формирования новых «модальных типов личности» [13], под которыми здесь понимаются психологические архетипы эпохи – исторические типажи, «герои своего времени». **Целью** работы является выявление и анализ этих новых модальных типов личности, порождаемых процессом глобализации.

Категоризация «Homo globalis»

Глобальный мульти-локальный мир предоставляет более широкие и более комплексные условия для конструирования, осмысления и воспроизводства социальных идентичностей [22: 578]. Анализ вторичных теоретических источников показал, что обобщенные социальные идентичности «Homo globalis» представлены целой галереей образов, в частности, такими модальными типами личности, как «человек дигитальный (цифровой)» – «Homo digitalis» [10], «человек потребляющий» – «Homo consúmens» [2] и «человек мобильный» – «Homo mobilis» [20]. Последний, в свою очередь, представлен такими подвидами, как глобальные старики, глобальная женщина и глобальная мать, глобальный ребенок и т.д.

«Homo mobilis» – «дитя глобальной миграции»

Глобализация бросает вызов любым видам границ, как объективных – национальных, межгосударственных, институциональных, так и субъективных – на уровне семейных, межпоколенческих и межличностных отношений, гендерных, культурных, религиозных этнических идентичностей отдельной личности. Проницаемость границ, как объективных, так и субъективных, повышает возможности использования человечеством свободы передвижения, чему также способствуют технические достижения последнего столетия, в частности появление новейших транспортных и коммуникационных технологий. Процесс международной мобильности населения стал одним из главных детерминантов политической, экономической и социокультурной динамики современной глобальной цивилизации, породив новый тип модальной личности «Homo mobilis» – «городского кочевника» и «дитя глобальной миграции» [17].

Влияние интенсивной географической мобильности на человека весьма неоднозначно. С одной стороны, свобода передвижения на большие расстояния предоставляет уникальные возможности для профессиональной и личностной реализации, знакомства с новыми культурами и стилями жизни. С другой стороны, общепризнанно, что повышенная географическая мобильность подрывает устои семейной жизни. Так, результаты проекта Евросоюза, изучавшего влияние возрастающей трудовой мобильности на семейную жизнь европейцев, показали, что мобильность может снижать уровень фертильности и препятствует успешному исполнению родительских функций и развитию семьи, особенно для женщин [14].

В то же время, возможность выезда на работу или учебу за рубеж может приводить к формированию интимных отношений и возникновению семейных уз стране пребывания, вызывая к жизни т.н. «смешанные браки», основанные на межэтнических и межкультурных отношениях. Т.н. «брачная миграция» или «интимная миграция» [7] служит именно этой цели. Кроме того, благодаря новейшим транспортным технологиям формируются коллективные, семейные формы интимной мобильности, ставшие возможными, например, благодаря домам на колесах и семейным автомобилям, которые позволяют осуществлять семейные туристические поездки, совместные визиты к родственникам, проживающим на дальнем расстоянии и т.д. (см. [12]).

Следовательно, хотя «Номо mobilis» – это зачастую одиночки, оторванные от семьи и родовых корней, в то же время, это могут быть счастливые семейные люди, которые имеют возможность путешествовать, познавать мир и радоваться жизни.

Глобальные старики –продукт «поседения мира» и мобильной старости

«Поседение мира» – логический результат падающего роста рождаемости и увеличения продолжительности жизни в современном мире. Пожилые люди сегодня дольше остаются здоровыми, социально активными и географически мобильными как в профессиональных, так и семейных, личных и культурно-познавательных целях. Они больше путешествуют как на более дальние расстояния, так и на более длительное время. Это является положительной тенденцией, т.к. процесс «активного старения» имеет социальные преимущества для пожилых людей. Кроме того, путешествия и туризм формируют новые, модернизированные идентичности «глобальных стариков»

и новые социальные связи, что способствует повышению качества человеческого капитала пожилых людей.

Еще одной причиной появления «глобальных стриков» является новейшая тенденция к «депортации стрости» из центра мировой капиталистической системы на ее периферию. В частности, она отмечается в Германии, которую мировые СМИ обвиняют в том, что она «депортирует» своих малоимущих пенсионеров, не имеющих возможности самостоятельно оплачивать услуги медицинского ухода, в страны Азии и Восточной Европы, где они получают качественное гериатрическое обслуживание по низким ценам [11].

Глобальная женщина и глобальная мать

Глобализационные процессы приводят к феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы, вынуждая женщин из бедных государств уезжать на заработки за рубеж, чтобы прокормить свои семьи. Благодаря этому процессу женщины стали более мобильными, чем когда-либо в истории. Сегодня все больше из них пересекают границы государств, чтобы найти работу вдали от дома. В последние десятилетия женщины все чаще становятся независимыми участницами миграционного процесса, самостоятельно передвигаясь на большие расстояния. Они перестают ограничиваться ролями зависимых членов семьи, следующими за отцами или мужьями, и становятся автономными субъектами мобильной трудовой силы, за которыми мужья и дети следуют в качестве сопровождения.

Тенденция к увеличению доли женщин, независимо передвигающихся на большие расстояния, в общем количестве мигрантов определяется как феминизация международной миграции. Ее результатом является феномен «глобализации материнства», заключающийся в том, что в результате феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы женщины-матери из бедных государств вынуждены уезжать на заработки за рубеж и заботиться о чужих детях, чтобы прокормить своих собственных. Результатом такого «смещенного материнства» является то, что «глобальные матери» нередко теряют своих детей как в прямом, так и в переносном смысле. Таким образом, парадоксом глобализации материнства является то, что и работодательницы, и их домработницы в поисках более высоких заработков вынуждены прибегать к аутсорсингу услуг заботы и ухода из семьи на рынок [17].

Имея меньше возможностей для предоставления своим детям материнского внимания и ухода, они вынуждены «покупать» любовь и заботу для своих детей [15]. Другим парадоксом феномена глобализации материнства является то, что принимая на себя ответственность за финансовое обеспечение семьи, мигрантки оспаривают миф о мужчине как кормильце и добытчике и в то же время укрепляют миф о женщине как домохозяйке, поскольку продолжают исполнять материнские обязанности, но уже в трансграничном режиме (подробнее см. [4]).

Глобальный ребенок

Исследования по истории и социологии детства демонстрируют, что в XX веке появилась новая категория «нормативного глобального ребенка», легитимность которого была засвидетельствована Конвенцией ООН о правах детей. Эта категория включает обширную галерею детских образов, появившихся в результате глобализационных процессов, основанных на широкомасштабной «коммерциализации всего», включая нематериальные аспекты человеческой жизни, такие, как любовь к детям, невинность ребенка и святость детства. К ним относятся глобальная индустрия международных усыновлений сирот, эксплуатация детей в рабском труде, секс-бизнесе, порнографии и секс-туризме, использование их в торговле людьми, человеческими органами и тканями, привлечение к участию в боевых действиях, криминальном бизнесе, бродяжничестве и попрошайничестве и т.д. Сущность этой глобальной индустрии определяется как «гражданская война против детей». Причем портрет «глобального ребенка» зачастую пишется расово-гендерными красками, замешанными на стереотипах взрослых, формирующих детский рынок труда. Если классический образ «глобального мальчика – это чернокожий ребенок-солдат с автоматом Калашникова в руках, то иконическая «глобальная девочка» – это изнуренная азиатская малышка-домработница, батрачащая на хозяев за кусок хлеба с утра до вечера без оплаты и выходных. Большинство этих вариаций «глобального детства» связаны либо с торговлей детьми, либо с их самостоятельным передвижением, т.е. с необходимостью перемещения этих «новых Маленьких Муков» на большие расстояния, зачастую самостоятельно, без семьи, родителей или других взрослых. В миграционной науке даже появилось направления исследований, объектом которого являются несовершеннолетние, мигрирующие без какого-либо

сопровождения. Кроме того, дети наряду с женщинами составляют наибольшую демографическую группу среди лиц, насильственно перемещаемых в результате военных конфликтов. Эксперты этой области знаний утверждают, что отсутствие связи между идеалом прав человека и реальным опытом детей-мигрантов имеет для всего мира трагические последствия [8], одним из которых является «убийство детства» [23] как социо-культурного феномена эпохи «высокой современности».

«Homo digitalis» - цифровой кочевник

С точки зрения английского социолога и философа Зигмунда Баумана [5] глобализованный мир – это мир без естественных границ и очевидных мест проживания, в котором понятие расстояния превращается в анахронизм и легко преодолевается посредством новейших информационно-коммуникационных технологий, создающих эффект компрессии пространства и времени. В транснациональном социальном пространстве этого нового мира человеку нет необходимости пересекать физические границы, чтобы приобщиться к жизни в самом удаленном уголке планеты: переключаясь с одного телевизионного канала на другой и кочуя по интернету, он пребывает в роли вечного гостя, нигде не задерживающегося надолго. Географическое передвижение сегодня уже не является непременным условием номадизма. Более важной является возможность «перманентной коннективности». Этому способствует возникновение мобильной телефонии, которой пользуется почти половина населения мира.

В результате распространения высоких коммуникационных технологий возникает т.н. «парадокс инверсии юмовских концентрических кругов убывающего сочувствия» [1: 6]. Благодаря ему, чувства общности и привязанности, которые обычно сильнее всего проявляются в ближнем круге общения (семья, друзья, соседи), не ослабевают по мере нарастания дистанции (город, страна, остальной мир), как это бывает в традиционном мире, но в условиях «глобальной деревни» могут усиливаться, поскольку интернет и мобильная телефония способствуют превращению наиболее отдаленных кругов общения в ближние. В результате становится возможным формирование брачных уз без сексуальных отношений и детей, без общего дома, работающего супруга и постоянного партнера и даже без «биологического» тела с его физиологическими потребностями [18]. Благодаря этому возникают новые

конфигурации семей, отражающие процесс адаптации мобильных индивидов к новым условиям жизни в «глобальном человечнике», а брак становится «метафорой и индикатором глобализации личной жизни» [6: 73].

Беспроводные коммуникационные технологии изменили окружение *Homo digitalis*, его быт, межличностные и семейные отношения. Родители позволяют подросткам больше автономии, т.к. могут контролировать их посредством сотовых телефонов. Отпадает необходимость в офисах, т.к. работники могут предоставлять руководству результаты своего труда через Интернет. Таким образом, появляется возможность успешнее сочетать работу и семейную жизнь, производственную автономию и мобильный, пластичный стиль личной жизни.

«Homo consúmens» – одномерный человек

Сегодня нередко звучит точка зрения, что процесс глобализации наиболее точно характеризуется как консюмеризм, поскольку современный мир одержим мантрой постоянного экономического роста [10: 5]. Зигмунд Бауман отмечает, что человек эпохи глобализации поражен «недугом обеспеченности», а основным вопросом его жизни является дилемма: «должен ли человек потреблять, чтобы жить, или же он живет, чтобы потреблять» [5]. Таким образом, культурная глобализация, со свойственной ей «макдональдизацией мира» [6], обуславливает появление нового модального типа личности – *Homo consúmens*. Для завоевания популярности у потребителей продукты и услуги нацелены на возбуждение желания обладать ими, соблазняли потенциального покупателя, а одной из основных задач в современной индустрии становится удовлетворение самых изысканных прихотей и похотей клиентов. В результате возникает порочный круг, в котором одно желание сменяется другим, выполняя функцию двигателя экономики, погоня за новыми соблазнами выходит на первый план, а понятие границ для общества «новых кочевников», воспетого Жаком Аттали, исчезает.

Согласно Герберту Маркузе, современное общество массового потребления создает свои ценности, влияет на культуру и контролирует каждого индивида, продуцируя «завуалированный неототалитаризм», навязывающий человеку ложные потребности и делая его рабом собственных прихотей. В этом обществе все люди подчиняются одним и тем же желаниям, поэтому они по сути одинаковы и

представляют собой модальный тип «одномерного человека». Для позитивного изменения себя и общества человек должен совершить «Великий Отказ» — изменить направление своих потребностей от эксплуатации природы в сторону гармонии с ней, обратив свои желания и чувства к высокой духовности [3].

Список литературы:

1. Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. № 1. 2009. С. 3-15.
2. Лукьяненко В.И., Хабаров М.В., Лукьяненко А.В. (2009). Homo consúmens – человек потребляющий // Век глобализации, № 2 (4). 2009. С. 149-159.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М: ООО «Издательство АСТ», 2002.
4. Толстокорова А. В. Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Журнал социологии и социальной антропологии, том XVI, № 4 (69). 2013. С. 142-158.
5. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998.
6. Beck U. What is Globalization? Cambridge: Polity Press, 2000.
7. Boehm D.A. Intimate Migrations. Gender, Family, and Illegality among Transnational Mexicans. New York: New York University Press, 2012.
8. Bhabha J. Child Migration and Human Rights of the Child in a Global Age. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014.
9. Blok A. Mapping the Super-Whale: Towards a Mobile Ethnography of Situated Globalities // Mobilities, vol. 5, № 4. 2010. P. 507-528.
10. Corneliusen C. Homo Sapiens Digitalis. Strategix.dk. 2004.
11. Daily Mail. Germany accused of “deporting” its elderly: Rising numbers moved to Asia and Eastern Europe because of sky-high care costs. 27.12.2012.
12. Holdsworth C. Family and Intimate Mobilities. New York: Palgrave-Macmillan, 2013.
13. Inkeles A., Levenson D. J. National Character: The study of Modal Personality and Sociocultural Systems // The Handbook of Social Psychology / Lindzey C., Aronson E. (Eds.). Massachusetts, London, Ontario: Addison-Wesley, vol. IV. 1969.
14. Lük D. Research note: job mobilities and family lives in Europe // Cosmobilities Newsletter. vol. 4, issue 1. 2009. P. 2.
15. Maher J.M. Reproduction and Care // The Globalization of Motherhood: Deconstructions and reconstructions of biology and care / Chavkin W., Maher J.M. (Eds). Abington, New York: Routledge, 2010. P. 16-30.
16. Maslow A.H. Toward a psychology of being (2nd ed.) New York: Van Nostrand Reinhold, 1968.
17. Parreñas R.S. Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes. Stanford: Stanford University Press, 2005.
18. Ruspini E. Gender, Relationships and Social Change. University of Bristol: Policy Press, 2014.
19. Strenger C. The Fear of Insignificance: Searching for Meaning in the Twenty-first Century. New York: Palgrave-Macmillan, 2010.

20. Tolstokorova A. Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe, № 12. 2009. <<http://urmis.revues.org/index868.html>>
21. Venter H., Venter E. Globalization and the Psychology of the New World Citizen: How the New Global Citizen Compares to Maslow's Level of Self Transcendence // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences, vol. 5, Issue 7. 2010. P. 29-36.
22. Vertovec S. The emergence of super-diversity in Britain. Centre on Migration, Policy and Society, University of Oxford, 2006.
23. Wyre R. The Murder of Childhood. London: Penguin Books Ltd, 1995.